

Сюй Эр наблюдал за их взаимодействием, смеясь, пока не повалился на диван, и только через некоторое время смог остановиться.

1-го числа Сюй Эр вместе с Чэнь Чжибэем взяли флаг Китая и флаг Сянцзяна и присоединились к толпе, чтобы принять участие в этом событии, которого китайцы ждали сто лет.

Везде были люди, которые горячо приветствовали друг друга, разговаривали с тобой, и, узнав, что ты с материка, ещё более радушно нагружали тебя флагами, едой и венками, словно иначе не могли выразить своё волнение.

Сюй Эр тоже радостно присоединился к этим незнакомым людям. Это был день, который запомнит каждый китаец, и возможность лично принять участие в этом событии, стоя на этой земле в это время, заставила Сюй Эра почувствовать себя счастливее, чем если бы он нашёл редкий антиквариат.

Но после этого дня Чэнь Чжибэй и Цюй Фэн стали очень заняты. Вначале они ещё могли ужинать вместе, но через несколько дней оба перестали возвращаться в отель.

Цюй Фэн арендовал комнату в брокерской фирме, где они жили вместе с несколькими нанятыми помощниками.

Изначально Сюй Эр хотел переехать туда, так как жить в отеле было расточительно, но Чэнь Чжибэй не согласился, считая, что в их съёмной квартире ничего нет, это просто рабочее место, и Сюй Эру лучше остаться в отеле, где за ним присмотрят, накормят и напоят.

Но Сюй Эр чувствовал, что все заняты, а он один гуляет по Сянцзяну, словно бездельник.

Цюй Фэн, услышав жалобы Сюй Эра, рассмеялся.

— Ох уж мой большой босс, ты ведь тот, кто вложил деньги, а мы — те, кто работает. Разве это одно и то же? Ты, как босс, должен только принимать работу, а остальное время можешь делать что угодно.

Сюй Эр, будучи не очень красноречивым, не смог переубедить их и остался один в отеле. Первые два дня он ещё с удовольствием гулял с Лизой, но даже самые интересные места становятся скучными, если посещать их каждый день.

Поэтому он просто начал каждый день изучать картины и каллиграфию, привезённые с Одинокого острова, и вдруг обнаружил, что может попрактиковаться в каллиграфии.

Сюй Эр попросил Лизу купить ему набор из четырёх сокровищ кабинета и начал копировать две каллиграфические работы в своей комнате.

«Сюаньши бяо» была копией времён Тан. Сюй Эр мог это определить не только благодаря тому, что, засыпая с ней, он видел, как мужчина средних лет времён Тан копирует её, но и благодаря своему знакомству с бумагой того периода.

Ещё когда Сюй Эр получил бронзовую подставку для циновки времён Тан, он часто видел, как знатная дама копировала старые рукописи и произведения, а иногда, вдохновившись, сама рисовала. Поэтому Сюй Эр считал, что он немного разбирается в каллиграфии и живописи Тан.

После того как он принял подделку конца Цин за подлинный доуцай эпохи Чэнхуа, Сюй Эр

начал извлекать уроки и перестал слишком полагаться на свои сверхъестественные способности, а стал серьёзно изучать различия между антиквариатом разных эпох.

Книги, привезённые Сюй Эрм из Моду, оказались очень полезными.

Как говорится, учиться никогда не поздно.

Раньше Сюй Эр относился к антиквариату с осторожностью и почтением, но после нескольких удачных находок стал немного самоуверенным. Эта ошибка вернула его в прежнее состояние, даже с большим уважением и почтением.

Антиквариат — это очень глубокая и обширная наука, и на текущем уровне Сюй Эр только-только переступил порог.

По сравнению с «Сюаньши бяо», Сюй Эрм больше нравилась каллиграфия «Тысячесловия». Вначале он мог только определить, что эта работа не относится ни к эпохам Мин и Цин, ни к Тан.

По сохранности бумаги и времени он предположил, что она относится к эпохе Сун, но более точных деталей он определить не мог.

Каждый раз, когда Сюй Эр касался этой работы, он видел её автора — мужчину в одежде с драконьими узорами, очень красивого и изысканного.

Сюй Эр изучил материалы и, основываясь на записях в «Гэгу яолунь», которая была найдена вместе с «Тысячесловием», смело предположил, что это работа императора Хуэйцзуна, Чжао Цзи.

Тот факт, что император мог написать такие красивые иероглифы, казалось, косвенно говорил о том, насколько он был далёк от государственных дел.

Но он был далеко не первым и не последним.

До него был Ли Хоучжу, который больше любил писать стихи, а после него был Минский император Чжу Юцзяо, который предпочитал быть плотником, чем правителем.

Но это не могло скрыть выдающихся достижений Чжао Цзи в каллиграфии и живописи. По крайней мере, по этой работе «Тысячесловия» Сюй Эр действительно ощутил очарование стиля «Тонкое золото».

После этого Сюй Эр каждую ночь засыпал с «Тысячесловием», внимательно наблюдая, как Чжао Цзи пишет иероглифы. К счастью, рядом с ним был мальчик лет семи-восьми, которому он объяснял, как держать кисть, как двигать её, как писать определённые иероглифы и как передавать их красоту.

Он учил каждую черту с большой тщательностью. Сюй Эр не знал, как в итоге писал мальчик, но сам он каждый день практиковался, не пропуская ни дня.

Лиза впервые видела такого богатого человека, который готов потратить сотни тысяч на банку. Вначале она думала, что это антиквариат, но позже из разговоров узнала, что это была подделка эпохи Цин.

Лиза не очень разбиралась в антиквариате, но знала, что вещи эпохи Мин стоят дороже, чем

Цин. Она уже была готова отвести Сюй Эра к продавцам и потребовать объяснений. Но, к её удивлению, Сюй Эр вёл себя так, будто ничего не произошло, продолжал гулять и есть, не выказывая желаний выяснять отношения.

А теперь он вообще начал сидеть в своей комнате и писать или занимать место в ресторане на верхнем этаже отеля, читая книги и перекусывая десертами.

Так живут богатые люди? Лиза не могла понять, но это её не касалось. Главное было хорошо сопровождать своего работодателя по Сянцзяну, даже если он не хотел выходить, время от времени всё же надо было выводить его на прогулку, чтобы компания не подумала, что она лентяйка.

Сейчас на фондовом рынке царит нестабильность, многие компании закрываются и увольняют сотрудников. Её компания пока держится, и она не могла позволить себе потерять работу.

Оба они не знали, что это был финансовый кризис, охвативший всю Азию, который повлиял на экономику и финансы региона на несколько лет вперёд.

Сюй Эр ничего об этом не знал, живя в своём мире. Лиза кое-что слышала, но её работа пока не была связана с кризисом, поэтому она не обращала на это внимания.

Таким образом, Сюй Эр упустил возможность узнать, чем именно занимался Чэнь Чжибэй.

Но Сюй Эра это не волновало. Даже если бы все деньги исчезли, он мог бы продать свои картины или драгоценности. Деньги никогда не были для него важны.

Если бы у него не было денег, он бы пошёл работать. Даже если бы пришлось есть лапшу каждый день, это было бы нормально. В детстве Сюй Эр часто голодал, и для него было счастьем просто иметь еду.

С деньгами каждый день — это всего лишь тарелка риса, кровать и одежда. Разве кто-то ходит в одежде из золота?

Днём Сюй Эр копировал «Тысячесловие» Чжао Цзи или копию «Сюаньши бяо» Чжун Яо. Днём он читал книги, которые подготовил для него Старейшина Го, или поднимался в ресторан на верхнем этаже, чтобы почитать. Иногда он выходил с Лизой, чтобы попробовать особые блюда Сянцзяна. Вечером он засыпал, сравнивая свои дневные наблюдения с тем, что видел во сне, и изучал архитектуру и обстановку того времени, чтобы улучшить свои знания.

Каждый день Сюй Эра был наполнен смыслом, и так продолжалось до августа, когда дела Чэнь Чжибэя и Цюй Фэна наконец завершились, и они вернулись жить в отель.

Но обычно Сюй Эр их не видел. Хотя они жили в одной комнате, он чувствовал себя так, будто жил один.

Сюй Эр не любил это чувство, оно заставляло его думать, что он избалован. Поэтому он посвятил всё своё время учёбе.

Постепенно он открыл для себя радость каллиграфии.

Безмолвная поэзия, танец без движений, картина без изображения, музыка без звука.